

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В БИБЛЕЙСКИХ ТЕКСТАХ В ПЕРЕВОДЕ МАРТИНА ЛЮТЕРА

Т.А. Шамина

Аннотация. Предмет анализа – фонетическая составляющая библейских текстов в переводе Мартина Лютера. Выявляются особенности употребления фонетических единиц, анализируется их вариативное употребление. Предпринимается попытка проследить развитие орфографии немецкого языка и определить роль языковой модели Лютера в её развитии.

Ключевые слова: вариативность, язык, перевод, Лютер, гласный, согласный.

Труды Лютера, в частности интересующий нас перевод Библии, восходят к первой половине XVI в. К данному периоду ранненововерхне-немецкий язык находился как раз в процессе своего становления. Этим и объясняется его открытость различным влияниям, нашедшая отражение в наличии, в том числе, в тексте перевода Библии разнообразных нерегулярных форм.

В данной работе рассматриваются вариативные элементы немецкого языка в Библии в переводе Мартина Лютера. Объектом исследования является текст перевода Библии 1545 г., изданный в печатне Ганза Луффта, предметом – его фонетическая составляющая.

Многие немецкие лингвисты [1–3] исследовали звуковой состав языка Мартина Лютера.

Следует заметить, что в звуковом составе языка Мартина Лютера и в способах написания немецких языковых единиц находят отражение черты нескольких языковых канцелярий: Шлезии, Бёмена, Саксонии, Тюрингии, Мейсена, Гессена, Померании и других близлежащих территорий [3. С. 24].

Языковое выравнивание в XVI в. плавно близилось к своему завершению, оставляя, однако, достаточно места для вариативного употребления языковых элементов в пределах одного текста.

Рассмотрим некоторые примеры вариативного употребления фонем в тексте перевода Библии. Начнём с согласного *t*:

«Denn ist es niemand der eine *That thue* in meinem Namen...» (Mk. 9, 41);

«...da war ein Weib mit Namen *Martha* die nam jn auff in jr Haus» (Lk. 10, 38) [4].

В XVI в. существовала тенденция произнесения согласного *t* с придыханием. В средневерхне-немецкий период (XV–XVI вв.) различаются *h* – придыхательный и *ch* – заднеязычный и среднеязычный спирант. Согласно мнению лингвистов, в тот период *h* произносился как придыхательный не только в начале слова, как в современном немецком языке, но и в середине слова [5. С. 240]. Как показывают примеры, для обозначения придых-

хания, возникающего при устном произнесении звука *t*, на письме Лютер использует *h*. Очевидно, это объясняется стремлением Лютера адекватно отразить устную речь на письме.

В данном контексте интересен и феномен употребления буквы *j* в начале слова. Так, например, мы встречаем её в соседстве с *h* в слове *Jhesus*. В ряде других слов, в которых после *j* следует гласный, *h* не встречается, например *Jacobe, Jesusalem, Johannis, Jordan Jueden, Juenger*. Кроме того, в тексте перевода Библии встречаются слова, в которых после *j* в начале слова сразу же следует другой согласный, например *Jdumea, jtz, jglich*. Последний ряд слов особенно интересен, так как он не подчиняется логике с придыханием, вызываемым согласным *h*. Обратившись к истории развития графемы *j*, необходимо отметить, что только в XVII в. она приобретает звание согласной буквы. Вплоть до XVII в. *i* и *j* в начале слова используются вариативно [6. С. 127]. В рассматриваемых словах *j*, по всей видимости, выступает гласным звуком, поскольку во многих начинающихся с него словах именно первый или часто единственный слог является ударным, например *jtzt*.

Согласный *h* у Лютера иногда встречается после согласных *r*, например *verrhaten, Rhor*.

Скорее всего, в данных примерах *h* служит для отражения на письме придыхания, возникающего при произнесении слов *verrhaten* и *Rhor*. Если первое из них, дойдя до наших дней, просто утратило *h* после согласного *r*, то второе – *Rhor*, приобрело несколько другой вид – *Rohr*. В процессе языкового развития согласный *h* «перепрыгнул» через соседний с ним гласный звук *o* в слове *Rhor*.

Аналогичный случай наблюдается и с буквосочетанием *lh*: *befelh, Malh*. В современном немецком языке рассматриваемые слова имеют следующее написание: *Befehl, Mahl*.

В рамках текста Библии в переводе Лютера встречается вариативное употребление согласного *g* и спиранта *ch* в конце слова на примере имперфекта глагола *ziehen* в форме 3-го л. ед. ч.: *zoch* и *zog*. Рассмотрим это на примерах:

«Vnd *zoch* er *hin* auff gen Jerusalem...» (Mt. 20, 17);

«...das er so lange im Tempel *verzog*» (Lk. 1, 21) [4].

Можно предположить, что вариативность возникает по причине ассимиляции согласного *g* под влиянием соседнего согласного *h*, с которого начинается отделяемая приставка (начальная форма глагола *hinziehen*). Глагол *verziehen*, образованный при помощи основы глагола *ziehen* и неотделяемой приставки *ver-*, в имперфекте 3-го л. ед. ч. оканчивается на согласный *g*. Здесь с ним уже не соседствует согласный *h*, поэтому ассимиляция не происходит.

Рассмотрим употребление того же самого глагола в форме имперфекта 3-го л. мн. ч.:

«Vnd *zogen* jn *aus* vnd legten jm Krone...» (Mt. 27, 24) [4].

Здесь снова Лютер использует звонкий согласный *g*, поскольку нет фонетических предпосылок его оглушения.

Таким образом, напрашивается вывод, что согласный *g* и спирант *ch*, не являющиеся между собой вариативными единицами, при чередовании создают вариативность форм глагола *ziehen*.

Вариативность форм создаётся при употреблении геминатов, или двойных согласных. Например, формы имперфекта глагола *lassen*:

«...vnd liessen das Bette ernider...» (Mk. 2, 4);

«Aber Jhesus lies es jm nicht zu...» (Mk. 5, 19) [4].

Во множественном числе форма имперфекта глагола *lassen* имеет в корне один согласный *s*, в то время как во втором примере глагол *zulassen* (*lassen* + отделяемая приставка *zu*) представлен с двумя согласными в корне.

Употребление двойных согласных в конце слова, между соседними слогами, в середине слова – характерная черта языка библейских текстов в переводе Мартина Лютера. Так, например, мы встречаем в тексте перевода слова *auff*, *Steinworff*, *verkeuffe*, *zweiffe*, *sass*, *liess*, *rieff*, *greiffen*, *getaufft* и др. Часто встречаемый у Лютера геминат, или удвоенный согласный, *f* в тексте перевода Библии не имеет вариативных форм, хотя в современном немецком языке столь частое удвоение *f* не наблюдается. Ср.: *auf*, *Steinwurf*, *zwölf*, *rief*, *greifen*, *getauft*, но *schaffen*.

Если геминат *f* в языке Лютера приобретает популярность, то удваивание согласного *m* для него нетипично. Так, например, современный немецкий глагол *kommen* у Лютера имеет в корне один согласный *m*: *komen*. При изменении глагола по лицам возникают вариативные формы его основы. Например:

«...Niemand kan zu mir komen...» (Jh. 6, 65);

«...wenn der Herr des hauses kompt...» (Mk. 13, 35) [4].

В первом примере мы видим инфинитив рассматриваемого глагола, основу которого составляет корень *kom*. Во втором примере данный глагол употребляется в форме 3-го л. ед. ч., и к его основе добавляется грамматически не мотивированный согласный *p*: *kompt*. Очевидно, что его присутствие можно объяснить фонетическими условиями, т.е. при произнесении глагола *komen* в форме 3-го л. ед. ч. слышался звук [p].

Анализ мотивации удвоения согласных на письме будет продолжен в контексте описания долготы и краткости гласных. Продолжим рассмотрение фонетической вариативности с участием согласных.

В тексте перевода Библии встречается стяжение звуков – интересное явление, опирающееся на фонетическую основу. Оно характеризуется слиянием лексических единиц, находящихся по соседству друг с другом, под влиянием схожих фонем. Рассмотрим это на следующих примерах:

«Herr hastu nicht guten Samen auf deinen acker geseet?..» (Mt. 13, 27);

«Vnd du hast sie vns gleich gemacht...» (Mt. 20, 12) [4].

В первом из них происходит стяжение согласных *t* и *d* под влиянием их соседства. Как показывает пример, стяжение звуков в данном случае отражается в слиянии двух лексем: *hast* и *du* в одну *hastu*. Из второго примера мы видим, что при употреблении тех же самых лексем в другом порядке, нарушающим соседство согласных *t* и *d*, их стяжения не происходит.

Подобное явление наблюдается в немецкой средневековой лирике. В письменную речь стяжение звуков, скорее всего, проникло из устной речи, поскольку разговор здесь идёт о передаче услышанного без руководства правилами оформления письменных высказываний. В современном устном варианте немецкого языка, преимущественно в берлинском диалекте, мы нередко встречаем это явление в повседневной коммуникации: *siehste* – для литературного *siehst du* [7. С. 220].

Рассмотрим примеры вариативности, возникающие на основе изменения гласных. В современном немецком языке одной из главных качественных характеристик гласных является их долгота. Немецкий лингвист У. Рике, исследующая становление немецкой орфографии, отмечает в текстах Лютера несколько способов обозначения долготы звука на письме: употребление согласного *h* после гласного, употребление гласного *e* после гласного, а также удвоение гласного на письме. Продолжая наблюдения, она отмечает, что краткость гласных звуков обозначается у Лютера, прежде всего, удвоением последующего согласного [8. С. 32–33]. Обозначенные У. Рике тенденции языка Лютера мы находим и в современном немецком языке. Таким образом, У. Рике акцентирует внимание на особенностях письменности Лютера с точки зрения перспективы. Тем самым она вступает в противоречие с другим немецким лингвистом, Х. Бланке, считающим, что Лютер игнорирует долготу и краткость гласных звуков [2. С. 292]. Делая такой вывод, очевидно, Х. Бланке не принимает в расчёт норму современного немецкого языка, а пытается оценить язык Лютера с позиции эпохи XVI в., акцентируя внимание на наличии вариативных способов написания.

Х. Бланке отмечает, что согласный *h* не влияет у Лютера на долготу звука. Действительно, в тексте перевода Библии *h* порой отсутствует там, где мы привыкли её встречать в современном немецком языке, например *fro*, *meer*, *nemen*, *seer*, *warlich*, *zeen*. Однако нельзя утверждать, что отсутствие *h* делает согласный кратким. Возможно, что для обозначения долготы гласного звука Лютер использует другие возможности, например, прибегает к удвоению на письме графического отображения гласного: *seer*, *meer*, *zeenen*; либо делает слог открытым: *nemen*, *warlich*. В современном немецком языке для обозначения долготы гласного уже используется согласный *h*. Эти слова выглядят следующим образом: *sehr*, *mehr*, *nehmen*, *wahrlich*, *Zähnen*. (В нововерхненемецком слове *zeenen* в современном немецком языке появляется *ä*, и оно превращается в *Zähnen*. Для обозначения на письме современного умлаута Лютер использует символ *e*.)

Однако и здесь нельзя говорить об окончательном решении Лютера не употреблять согласный *h* для обозначения долготы звука. В тексте перевода Библии мы встречаем знакомые нам из современного немецкого языка глаголы *gehen* и *stehen*, образованные от древненемецких *gên/gân* и *stên/stân*. (Формы *gên* и *stên* предлагались баварской традицией, а *gân* и *stân* – нижнесаксонской и алеманской [1. С. 148].)

В отношении кратких гласных *У*. Рике делает историческую оговорку: двойные согласные, являющиеся признаком краткости гласного с точки зрения современного немецкого языка, в средневерхненемецком период обозначались долгими согласными. Таким образом, в грамматиках ранненововерхненемецкого языка отмечается, что долгий согласный может употребляться только после краткого гласного. Только в XVII в. формулируется и закрепляется правило употребления краткого гласного перед удвоенным согласным [8. С. 34]. Данное правило несколько изменяет логику суждения, но не меняет его результат: краткий гласный употребляется перед удвоенным графическим изображением согласного. Однако в силу изменения логики суждения, можно объяснить некоторые тенденции изменения орфографии. Например, у Лютера мы встречаем слово *Schrift*. Следуя ранненововерхнемецкой логике, после краткого гласного следует долгий согласный. Кратким гласным в рассматриваемом случае выступает гласный *i*, а долгим согласным – *ff*. Современный вариант написания рассматриваемого слова выглядит как *Schrift*. Следуя новой логике, удвоенный согласный предвосхищает появление краткого гласного. Удвоенный согласный, однако, не подразумевает при этом употребления одного и того же согласного, т.е. гласный в слове *Schrift* остаётся кратким, а удвоенное употребление согласного *f* является излишним, поскольку за ним следует другой согласный *t*, обуславливающий наличие двух согласных после гласного.

Помимо вариативного употребления долготы гласных, в библейских текстах Лютера встречаются и другие параллельные фонетические явления. Так, например, восточносреднемецкая тенденция к частому употреблению гласного *e* находит отражение в тексте перевода Библии. Её следы мы видим в словах *erbeit*, *gleuben*, *teuffen*.

Нашему вниманию интересен следующий пример:

«...Ich *gleube* Lieber Herr/Hilff meinem *vnglauben*» (Мк. 9, 24) [4].

Глагол *gleuben* восходит к восточносреднемецкой традиции, имея в корне дифтонг *eu*. Имя существительное *Vnglauben* употребляется в соответствии с нововерхненемецкой нормой, имея в корне дифтонг *au*. Аналогичный феномен обнаруживается с именем существительным *Tauffe* и глаголом *teuffen*.

Немецкие лингвисты отмечают, что о специфике произношения гласного звука *e* из текстов Лютера судить нельзя, так как он руководствовался восточносреднемецкой традицией, придавая гласному *e* разные функции. Это и редуцированный звук в безударных слогах: *eine*,

handelst, geschicht; и символ обозначения на письме средневерхненемецкого звука [e, e:, ε, ε:] в таких словах как *gern*, *herrn*; и показатель умлаута в словах *schlegt*, *weret*, *ertrencken* и т.д. [1. С. 147].

Вариативность возникает за счёт выпадения в тексте перевода Библии редуцированного гласного *e* в безударных слогах. Так, например, встречаются вариативные употребления наречия *heute*:

«...und mache gesund *heut* vnd morgen...» (Lk. 13, 32);

«...doch muss ich *heute* und morgen am Tage darnach wandeln...» (Lk. 13, 33) [6. С. 199].

Фонетическая вариативность обуславливается употреблением разных графем для обозначения одних и тех же звуков. Так, например, в библейских текстах Лютера мы встречаем вариативное написание некоторых лексем: *ein*, *sein*, *zweier* наряду с *bey*, *sey*, *zwey*. Несмотря на общность корня рассматриваемых слов, Лютер не ставит гласный *i* в конец слова, предпочитая ему заимствованный из греческого языка полусогласный *y*. Данная тенденция Лютера, однако, не имела будущего. В современном немецком языке чередование *i* и *y* не происходит, и рассматриваемые слова имеют следующий вид: *bei*, *sei*, *zwei*.

Вариативность наблюдается в употреблении гласного *u*. У Лютера для его обозначения используются три буквенных символа: *u*, *v* и *w*.

«*Nu* in der Aufferstehung...» (Mt. 22, 28);

«*Vnd* er kam in alle gegend...» (Lk. 3, 3);

«Doch aber liebet *ewre* Feinde...» (Lk. 6, 35) [4].

Как показывают примеры, выбор графемы у Лютера снова определяется позицией в слове: если слово начинается с гласного звука [u], то для его графического отображения Лютер использует символ *v*. В другой позиции мы видим, что гласный звук обозначен привычной для нас гласной буквой *u* либо согласным *w*.

В свою очередь орфографический символ *u* используется Лютером для обозначения двух фонем современного немецкого языка: *u*, как мы только что рассмотрели, и *ü*. Например:

«*Vber* das alles/legt er Johannes gefangen» (Lk. 3, 20) [4].

Сложно сказать, чем обусловлена разница в написании одного и того же для современного немецкого языка гласного, поскольку о произношении звуков мы можем судить только из письменных источников. Однако мы знаем, что немецкие гласные в начале слова произносятся с твёрдым приступом, а в других позициях – более сглажено. Может быть, Лютер хотел подчеркнуть данную особенность немецкой фонетики. Если мы вспомним рассмотренный выше феномен употребления согласного *j*, то он служит для обозначения гласного *i* во многих словах современного немецкого языка. В латинском языке гласные звуки [u] и [i] считаются слабыми. Возникает предположение, что Лютер, следуя латинской традиции, не доверяет аналогичным немецким гласным и неохотно ставит их в начало слова.

Несмотря на вышеприведенные отклонения, немецкие лингвисты всё же рекомендуют рассматривать звуковой состав языка Лютера исходя из положения о том, что звук (фонема) и его письменное отображение (графема) не всегда совпадают [1. С. 141]. Тем самым они делают Лютеру большую честь, подчёркивая его старания добиться узнаваемости слова на письме при изменении его форм. Слово является составным элементом текста. На него влияют соседние звуки в своём комплексе. Одно и то же слово может иметь разные варианты звучания в зависимости от окружающих его фонем. Функция графем – не просто передавать различия звуков, как, например, [b] и [p] в словах *backen* и *racken*. Благодаря графемам сохраняется идентичность слова при изменении его форм, как, например, очевидна идентичность слова *Tag* в формах *Tag* [ta:k] и *Tages* [ta:ges]. Графемы также служат для того, чтобы различать одинаково звучащие слова на письме, например *rein*, *Rain* и *Rhein*.

Лингвисты немецкого языка также замечают, что уже с начала XV в. выдвигалась мысль о необходимости соответствия между написанным и произносимым [5. С. 245]. В сравнении с другими европейскими языками (французским, английским), в современной немецкой орфографии фонетическому принципу придаётся гораздо большее значение. Очевидно и Лютер, пытаясь дать немецким словам письменное выражение, стремился к унификации устной и письменной речи, стараясь сохранять графемы при изменении словоформ.

В отношении орфографии для современного читателя непривычным является написание имён существительных с маленькой буквы, например *das weib*, *die tische* и т.д. Немецкие лингвисты связывают объяснение этого феномена с первоначальной ролью заглавной буквы: выделить слова, имеющие особое значение для предмета общения. Это, прежде всего, существительные, обозначающие Бога: *HErr*, *Gott*, иногда даже *HERR*.

Поскольку существительные во многих случаях являлись главным центром предложения, то с 1557 г., через 11 лет после смерти Лютера, все они стали писаться с прописной буквы. Таким образом, у Лютера мы замечаем зарождение тенденции к написанию имён существительных с заглавной буквы, которая затем закрепились в немецком языке [1. С. 155].

Лингвисты выделяют несколько орфографических традиций Лютера, которые соблюдаются в современном немецком языке и по сегодняшний день. К ним относятся: удвоенное написание гласной для обозначения его долготы, краткость гласного звука через удвоение согласного и обозначение умлаута написанием *e* над гласной или двумя точками. В то же время отмечаются некоторые орфографические традиции, исчезнувшие в процессе развития немецкого языка. Это немотивированное удвоенное написание согласных в конце слова, вольность в написании одного и того же слова в разных контекстах и применение разных графем для обозначения одних и тех же звуков.

Рассмотрев фонетические особенности текста Библии в переводе Мартина Лютера, можно сделать вывод о том, что, с одной стороны, автор находился в поиске языковых средств, чтобы придать немецкому языку единую письменную форму, а с другой – используя разнообразные вариативные единицы, он обеспечил доступность книги представителям разных территорий Германии.

Литература

1. *Arndt E.* Luther und die deutsche Sprache. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1983. 232 s.
2. *Blanke H.D.* Martin Luther Die gantze Heilige Schrifft Deudsch 1545 / Auffß new zugeicht. München: Rogner & Bernhard, 1972. 398 s.
3. *Franke C.* Grundzüge der Schriftsprache Luthers. Georg Olms Verlag, Hildesheim, New York. Bd. 1 Einleitung und Lautlehre. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1973. 274 s.
4. *Das Neue* Testament in der deutschen Übersetzung von Martin Luther. Studienausgabe. Stuttgart: Philipp Reclam jun. GmbH, 1989. Bd. 1. 736 s.
5. *Зеленецкий А.Л., Новожилова О.В.* Теория немецкого языкознания. М.: Академия, 2003. 400 с.
6. *Hartweg F.* Wegera Klaus-Peter. Frühneuhochdeutsch: eine Einführung in die deutsche Sprache des Spätmittelalters und der frühen Neuzeit: 2 Aufl. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2005. 264 s.
7. *Riesel E.* Der Stil der deutschen Alltagsrede. Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1970. 368 s.
8. *Rieke U.* Studien zur Herausbildung der neuhochdeutschen Orthographie: die Markierung der Vokalquantität in deutschsprachigen Bibeldrucken des 16–18. Jahrhunderts. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1998. 408 s.

A PHONETIC VARIANCE OF THE GERMAN LANGUAGE IN BIBLICAL TEXTS IN MARTIN LUTHER'S TRANSLATION

Shamina T.A.

Summary. The object of analysis is a phonetic constituent of the biblical texts in Martin Luther's translation. The article reveals peculiarities of the phonetic units' utilization in analysis of their variant usage. An attempt is made to trace a development of the German language orthography and to determine a role of Luther's linguistic model in its development.

Key words: variance, language, translation, Luther, consonant, vocal.